

Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита

М.В. Стрежнева

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Выход Британии из Европейского союза оживил академическую дискуссию по вопросу о вероятности разворачивания дезинтеграционных тенденций в объединённой Европе. Тем не менее общее представление о том, как Брексит способен повлиять на организационные перспективы и выживаемость европейского интеграционного объединения, не складывается. В большинстве случаев авторам, разрабатывающим эту тему, не удаётся избежать в концептуальных схемах бинарного противопоставления интеграции и дезинтеграции как двух крайних состояний в межгосударственных отношениях. В реальности же речь идёт о двух процессах, находящихся в более сложной взаимосвязи. Каждый из них способен включать широкий спектр структурных решений, некую динамику дифференциации, разные уровни централизации в различных областях и определённое (меняющееся) количество участников отдельных договорённостей. В данной работе значение Брексита как фактора дальнейшей европейской (дез)интеграции предложено рассмотреть, опираясь на концептуализацию дифференциации в теории организации Александра Богданова. Соответствующим образом переосмыслены укоренившиеся трактовки таких ключевых понятий, как «интеграция», «дезинтеграция», «дифференциация».

Отмечены некоторые устойчивые последствия европеизации британской политической системы. Отдельно выделены кейсы Экономического и валютного союза и экономического регулирования в Северной Ирландии на основании Североирландского протокола. Последнее выступает как инновационный образец дифференцированной интеграции с участием субнационального региона, для реализации позитивного потенциала которой необходима политическая воля и со стороны Лондона, и со стороны Брюсселя.

На самом базовом уровне, ввиду произошедшего выхода этой мощной страны из ЕС, теперь вряд ли представимо, чтобы какое-либо из оставшихся 27 государств-членов смогло помешать дальнейшему продвижению региональной интеграции вперёд. В то же время следует уточнить, что система ЕС нуждается не столько в унификации и централизации, сколько именно в усилении дифференциации. Между тем наднациональные институты, прежде всего Европейская комиссия, по-прежнему больше ориентированы на единообразную интеграцию в качестве приоритета, что может привести к снижению эффективности интеграционной политики регионального объединения.

УДК: 327.7

Поступила в редакцию: 11.04.2022 г.

Принята к публикации: 06.06.2022 г.

Ключевые слова: Брексит, Европейский союз, интеграция, дифференциация, дифференцированная интеграция, дезинтеграция, Северная Ирландия, европеизация

Движение к обретению «европейского единства» было запущено в Западной Европе с принятием в 1950 г. плана Шумана по созданию группировки шести стран, объединяющей их угольную и металлургическую промышленность. «Отцы-основатели» региональной интеграции ожидали, что государства-участники возьмут на себя ряд заранее оговорённых обязательств, которые в перспективе приведут к оформлению наднациональной общности. Эта, вначале эффективная, формула забуксовала в 1970-е и 1980-е гг., после присоединения к интеграционному объединению стран, куда сдержаннее настроенных в отношении европейской унификации, нежели первоначальная «шестёрка». Бельгийский премьер-министр Лео Тиндеманс уже в 1975 г. предупредил¹, что не все государства-члены в объединении расширенного состава достигнут ранее предусмотренных руководством объединения промежуточных целей европейской экономической интеграции в едином темпе, но современниками его мнение было проигнорировано. Однако по мере расширения Европейского сообщества развитие получила политика правовой дифференциации или гибкости (Бабынина 2012), учитывающая и фиксирующая интеграцию на разных скоростях. Особенно широко дифференциация стала применяться на основании Маастрихтского договора 1992 г.: были введены исключения для ряда государств-членов в таких областях, как денежно-кредитная, социальная и оборонная политика, а также правосудие и внутренние дела. Самой важной областью применения гибкой интеграции оказалась зона евро, на чём мы подробнее остановимся ниже.

Брексит внятно напомнил Брюсселю об испытываемых системой Евросоюза перегрузках, способных, несмотря на предпринятую дифференциацию, спровоцировать дезинтеграционный тренд (Jones 2018). Подобный прецедент потребовал от экспертов и практиков решительного переосмысления прежних концептуальных подходов. В фокусе данной работы – оценка политико-организационных трансформаций, происходящих во взаимоотношениях Евросоюза с его теперь уже бывшим участником (Британией), с теоретической точки зрения, которая должна поспособствовать такому переосмыслению.

Процесс выхода Британии из ЕС вызвал всплеск публикаций, посвящённых дезинтеграции и дифференцированной интеграции (Vollaard 2018; Bickerton 2019; Rosamond 2019; Schimmelfennig, Winzen 2020; Gänzle, Leruth, Trondal 2021;

¹ Tindemans L. 1976. *European Union. Report by Mr. Leo Tindemans, Prime Minister of Belgium, to the European Council. Bulletin of the European Communities, Supplement 1/76. (commonly called the Tindemans Report).* (EU Other). P. 20-21. URL: <http://aei.pitt.edu/942/> (accessed 18.06.2022).

Brunazzo 2022). Тем не менее отношение к гипотетической перспективе дезинтеграции ЕС остаётся недостаточно отрефлексированным, особенно в европейских академических кругах. Ведь до британского референдума 2016 г. за редкими исключениями² концепту дезинтеграции вообще не уделялось достаточного места в учёных дискуссиях и уж тем более среди европейских функционеров, заинтересованных в сохранении сложившегося порядка вещей. Классические теории региональной интеграции (неофункционализм и либеральный межправительственный подход в особенности) оказались неспособны в полной мере объяснить обнаружившиеся дезинтеграционные моменты (Webber 2019: 22, 39), а в университетах, в том числе за пределами ЕС, европейскую интеграцию в основном преподают по прежним лекалам.

Таким образом, в этой статье речь идёт не о выходе Британии из Евросоюза как таковом. В ней с теоретико-институциональной точки зрения рассматриваются процессы и организационные варианты дифференцированной (дез)интеграции на базе Европейского союза, тогда как случай Брексита выступает в качестве полезного конкретного случая для анализа (case study), позволяющего наглядно представить преимущества максимально широкого концептуального взгляда на развивающуюся в системе Евросоюза (дез)интегративную динамику. Как представляется, внимание к проявлениям дифференциации в ЕС способно углубить наше понимание как политико-организационных сторон интеграционного процесса, так и его функциональных аспектов.

Политическая система Евросоюза находится в постоянном развитии, и дебаты о его институциональной структуре не прекращаются. Скажем, на европейский долговой кризис 2010–2012 гг. в Брюсселе отреагировали вполне определённым и довольно предсказуемым образом: созданием новых институтов, финансовых инструментов, а также мерами жёсткой экономии (Schwarzer 2013). На первый взгляд, это выглядело как новый успех региональной интеграции (понимаемой в традиционном ключе), подтверждающий, что выход Великобритании сообщает новый динамизм интеграционному процессу (Буторина 2020). Но в направленности принятых решений трудно не усмотреть и привычную ориентацию Брюсселя на бюрократическую «зарегулированность», всегда вызывавшую раздражение Лондона. Более того: упомянутые решения не только глубоко затронули суверенитет государств-членов, но и породили серьёзные социально-экономические и политические последствия, в том числе для стран ЕС, остающихся вне зоны евро.

Теоретическую основу настоящего исследования составила организационная наука (тектология) Александра Богданова. Она позволяет нам рассматри-

² Филипп Шмиттер неоднократно замечал, что всякая всеобъемлющая теория интеграции должна в потенциале служить и теорией дезинтеграции. В его статье, написанной в соавторстве с Зои Лефкофриди, была сделана попытка применить неофункционализм в качестве аналитической рамки для выявления условий, благоприятствующих или, напротив, препятствующих дезинтеграционному процессу (Schmitter, Lefkofridi 2016).

вать происходящие политико-институциональные трансформации в Европе с системной точки зрения. Тектологический организационный анализ берёт в расчёт принцип эмерджентности, т.е. актуализирует и развивает мысль Аристотеля об организованном целом, способном обладать качествами или особенностями поведения (сущностью), которые у его частей по отдельности отсутствуют. Эмерджентность определяется как возникновение новых структур и свойств в сложных системах в ходе их самоорганизации.

В третьей главе «Тектологии», посвящённой основным организационным механизмам, Богданов оперирует терминами «ингрессия» (соединение, интеграция) и «дезингрессия» (расхождение, частичное или полное). Во втором случае мы имеем дело с явлением, аналогичным дезинтеграции, обеспечивающим переход системного комплекса в новое состояние (Никонова 2019: 33). Иначе говоря, дезингрессия подразумевает организационный кризис: разрыв связи порождает тектологическую границу там, где было одно целое, производя или облегчая произведение «отдельностей».

Шестая глава «Тектологии» рассматривает централистические (эгрессия) и деконцентрированные, распределённые скелетные (дегрессия) организационные формы, первая из которых сосредоточивает организуемое содержание, а вторая фиксирует его, будучи, следовательно, не менее нужной и полезной. Эгрессия (от лат. «выхождение из ряда») есть система, в которой выделяется высокоорганизованный комплекс (ядро), по отношению к которому все прочие комплексы рассматриваются как периферия. Дегрессия (от лат. «схождение вниз») – образование организационно низших комплексов, которые выделяются сложноорганизованными пластичными комплексами. Как указывает Богданов, «и эгрессия, и дегрессия – частные случаи асимметричной связи, т.е. всецело лежат в пределах принципа системной дифференциации» (Богданов 2019: 429). Наконец, образование целого из разрозненных частей он, подобно Никласу Луману, трактует в функциональном ключе: как (дез)организованность или продвижение к подобному состоянию (то есть отражение реальной способности сложного системного комплекса лучше или хуже противостоять внешним и внутренним вызовам, чем это доступно его элементам, взятым по отдельности, и проявлять резилентность³ по отношению к ним).

При таком теоретическом подходе допустимы жизнеспособная децентрализованная интеграция или, напротив, дезинтеграция вследствие (чрезмерной) централизации. Необходимо оговориться, что при всех предпринимаемых мерах к дальнейшей политической централизации Евросоюз пока на самом деле больше соответствовал дегрессивному типу организации: политические системы его государств-членов устроены куда сложнее, нежели система самого ЕС.

³ Динамическое свойство организации, позволяющее преодолевать стрессы и трудности конструктивным образом.

Если же понимать под полной дезинтеграцией определённый результат, то применительно к Евросоюзу он мог бы означать гипотетически завершение в юридическом или фактическом плане существования ЕС как наделённого интеграционным смыслом объединения, возвращение международной политики в Европе к доинтеграционной стадии либо замещение Евросоюза неким альтернативным порядком (институционализированным или неформальным). Впрочем, даже если Брексит и поспособствовал высвобождению дезинтеграционной динамики, до сих пор есть много причин ожидать, что её удастся перехватить, переформатировать и модифицировать в сложных многоуровневых лабиринтах институциональной архитектуры Евросоюза.

Понятие и практика дифференцированной (дез)интеграции

Термины «интеграция» (образование целого из разрозненных частей) и «дифференциация» (деление целого на части) – это универсальные научные категории, применяемые в системном анализе, на который и ориентирует нас теория организации Богданова, но при этом «границы между интеграцией и дифференциацией размыты и подвижны, их единство не исключает того, что в различные моменты в системе преобладает то один, то другой процесс. В какой-то период времени некоторые элементы системы разъединяются, чтобы впоследствии объединиться с другими и образовать качественно новое её состояние» (Игнатова 2013: 6). В Евросоюзе преобладает определение региональной интеграции как процесса углубления кооперации между государствами-членами, готовыми подчиняться общим правилам и управлению, осуществляемому европейскими институтами. Соответственно такому определению к дезинтеграции там относят всякое гипотетически допустимое отступление от уже достигнутой степени подобной интеграции, которая, как считается, в принципе должна развиваться только в одном направлении – в сторону большей централизации, ко всё более широкому охвату разнообразных направлений государственной политики и присоединению к ЕС новых участников.

Со времени вступления в силу Римского договора о Европейском экономическом сообществе в качестве одного из фундаментальных принципов процесса европейской интеграции было зафиксировано строительство «всё более тесного союза». Тем не менее впоследствии некоторым государствам-членам было позволено (по крайней мере временно) от этого принципа отступить, и они не участвуют наравне с остальными в определённых сферах политики ЕС. Данное явление принято именовать дифференцированной интеграцией. Таким образом, при дифференцированной интеграции в европейской трактовке у регионального объединения намечается организационное ядро, а уровни централизации и территориальное распространение действия соответствующих европейских норм начинают варьироваться. При этом в западной литературе в качестве антонима дифференциации, дифференцированной интеграции или

гибкой интеграции в большинстве случаев используется опять-таки термин «интеграция», что буквально не оставляет места для рассмотрения собственно дезинтеграционной динамики.

Теоретической школой, настаивающей на своеобразном понимании причин вероятной дезинтеграции, выступает структурный реализм Кеннета Уолтца (Waltz 1979). В рамках предложенной им объяснительной схемы межгосударственное сотрудничество (тем более столь интенсивное, как в ЕС) считается практически обречённым на периодические провалы и кризисы ввиду действия принципа относительной выгоды: даже если выбор в пользу коллаборации для нескольких государств выглядит рациональным на определённом отрезке времени, и все они от неё выигрывают, их выигрыши неравны. По Уолтцу, кластеры государств способны держаться вместе только под влиянием структурирующих правил геополитики (таких, как холодная война) либо при наличии общего противника. Теория Александра Богданова позволяет получить более нюансированную динамическую картину организационных изменений в таком высокодифференцированном интеграционном комплексе, как Евросоюз, опираясь на введённые им понятия «ингрессия», «дезингрессия» и «тектологическая граница».

Как записано в «Тектологии» (Богданов 2019: 203): «В зависимости от новых ингрессии и дезингрессии происходят изменения структуры находящихся во взаимодействии комплексов: частичные или коренные, в виде деформаций или кризисов, развития, деградации, разрушения». Ингрессия обеспечивает связку между двумя или несколькими комплексами. Полная дезингрессия означает распад прежней системы, образование между её частями (тектологических) границ, которые и создают из ранее данной системы новые отдельности. Но возможен и разрыв тектологической границы между двумя или несколькими комплексами, в силу которой они образуют некую новую систему. Богданов особо отмечает, что с разрывом тектологической границы между ними два комплекса перестают быть отдельностями и образуют новую систему с дальнейшими преобразованиями, возникновением ингрессивных связей, дезингрессий частичных или полных, внешних или внутренних. Уточним также, что, по Богданову, трансформация организационной формы системы может сопровождаться как уничтожением имеющихся связей между элементами или возникновением новых связей, так и исчезновением одних связей при одновременном появлении других, что мы и наблюдали в случае Брексита.

Обращаясь к определению дифференциации, укажем, что она может быть территориальной, функциональной, социальной, экономической или политической. Так, Луман трактовал дифференциацию в функциональном ключе: благодаря ей обеспечивается поддержание идентичности системы в противостоянии внешним вызовам (Луман 2006). Между тем в терминологии, до сих пор используемой при изучении европейской интеграции, дифференциация чаще истолковывается в узком ключе, как возможность, по соглашению предостав-

ляемая отдельным участвующим в региональном интеграционном комплексе либо ассоциированным с ним государствам, иметь или получить по определённым направлениям политики ЕС сокращённый объём прав и/или обязанностей. При таком взгляде на предмет различие между интеграцией территориальной либо функциональной не совсем корректным образом затушёвывается.

Рассуждая о дифференцированной интеграции, мы поневоле обращаем приоритетное внимание на те стратегии, прибегая к которым европейский правящий класс старается примирить разнообразие запросов государств-членов с реализацией общих планов по дальнейшему развитию ЕС. Выходит, в таком случае, что это не сомнительное вынужденное решение, а, скорее, естественное проявление региональной интеграции, в целом вполне предсказуемый результат расширения сферы компетенций Союза, а также гетерогенности интегрирующегося пространства (Svendsen, Adler-Nissen 2019). В социологической системной теории в принципе и у Богданова в том числе дифференциация ведёт к умножению подсистем в современном обществе, отражающему его усложнение. Происходит нарастание вариативности в системе, что позволяет ей гибко реагировать на вызовы, но одновременно предъявляет повышенные требования к субъективным факторам политического управления. Поэтому политически актуальными и аналитически адекватными представляются размышления и о возможной (дез)интеграции как о процессе с заранее не определённым для его участников и инициаторов результатом.

Обычно выделяют два магистральных направления дифференциации (Schimmelfennig et al. 2015: 765): с точки зрения централизации/децентрализации (вертикальная дифференциация) и с точки зрения различий в территориальном распространении (горизонтальная дифференциация, которая, как чаще всего уточняется, может считаться внутренней или внешней относительно ЕС). При вертикальной дифференциации отдельные области политики интегрируются в Евросоюзе с разной скоростью и со временем достигают различающихся уровней централизации, что позволяет судить о сохраняющейся глубокой структурной асимметрии в системе европейского управления. Горизонтальная дифференциация (пространственная асимметрия) имеет место, поскольку, как было упомянуто выше, многие государства-члены не участвуют во всех без исключения европейских политиках, тогда как некоторые из не участвующих в ЕС государств, напротив, в отдельных европейских политиках принимают формальное участие.

Оговоримся, что с точки зрения теории организации в последнем случае наблюдается тектологический разрыв, в силу которого пространство, где действуют нормы Евросоюза, распространяется за пределы территории собственно Евросоюза. Таким образом, подобную ситуацию логичнее рассматривать не изнутри ЕС, а каждый раз имея в виду точные контуры вновь образуемого системного комплекса: в конечном счёте речь идёт о Едином внутреннем рынке (ЕВР) в расширенных за пределы ЕС территориальных границах с его системой

управления, которая демонстрирует асимметрию в том смысле, что в выработке и принятии соответствующих правовых норм участвуют только полноправные члены ЕС, но все участники ЕВР, включая преференциальным образом допущенные на него третьи страны, обязаны эти нормы соблюдать.

Уточним, что соглашения ЕС с третьими странами демонстрируют два подхода в плане восприятия ими европейского законодательства: статичный и динамичный. В первом случае ограниченный объём европейского законодательства принимается третьей страной при вступлении соглашения в силу и по договорённости с ЕС (например, Соглашение об ассоциации между Турцией и ЭЭС, вступившее в силу в конце 1964 г.). Во втором случае рецепция новых либо изменённых европейских правовых норм происходит автоматически, но зато вводятся институциональные механизмы, обеспечивающие небольшую степень влияния третьих стран в процессе их принятия (Gstöhl, Phinnemore 2019).

Примеры динамического решения нам дают не только условия торгового соглашения Лондона с Брюсселем 2020 г., но и Европейское экономическое пространство (ЕЭП), на основании соглашения 1994 г. связавшее в единый системный комплекс ЕС и три страны Европейской ассоциации свободной торговли – Исландию, Лихтенштейн и Норвегию. Указанные страны воспринимают правила ЕВР через их постоянную инкорпорацию в данное соглашение. В него включены также положения, которые требуют, чтобы Евросоюз проводил консультации с «внешними» странами ЕЭП при выработке своего рыночного законодательства.

Экономический и валютный союз

С организационной точки зрения Экономический и валютный союз (ЭВС) включает три тесно взаимосвязанные компонента (экономических блока). Они различаются по степени обеспечиваемой вертикальной дифференциации: (1) макроэкономическая политика формально остаётся в руках национальных правительств, но подчинена набору общих европейских правил; (2) бюджетная политика как европейского, так и национального уровня (курсы национальной бюджетной политики в ЕС связаны между собой общими целевыми показателями, стандартами и контрольными проверками в рамках многоуровневого надзора); и (3) денежно-кредитная политика в зоне евро, которая отдана на откуп наднациональному Европейскому центральному банку. Вертикальная дифференциация усугубляется тем, что Маастрихтский договор предусмотрел строительство ЭВС в три этапа, к которым государства-члены присоединялись не единообразно. Ключевое значение обрёл третий (завершающий) этап – собственно переход на единую наднациональную валюту. К настоящему времени его совершили 19 стран, и только для них была создана Еврогруппа, т.е. формация Совета министров ЕС ограниченного состава, политическое влияние которой далеко превосходит её невысокий правовой статус.

Переход к третьему этапу ЭВС выявил, кроме того, возможность разницы между «объективной» (по экономическим показателям) и «субъективной» (по политическому желанию отдельных стран без экономических противопоказаний) горизонтальной дифференциацией, то есть между странами, ещё не достигшими экономических критериев зрелости и стабильности, необходимых для перехода на единую валюту, и теми (Великобритания и Дания, озабоченные сохранением автономии и вопросами национальной идентичности, чем и была в первую очередь предопределена их неготовность расставаться с национальной валютой⁴, а впоследствии также Швеция), которые получили возможность сделать это в будущем, тогда как соответствующая обязанность с оговорёнными сроками на них возложена не была⁵. В дополнение к отмеченному организационному разнообразию некоторые из не вошедших в Еврозону стран решили впоследствии присоединиться к Фискальному пакту⁶, тогда как другие, включая Великобританию, этого не сделали.

Отказ перейти на евро благоприятно сказывался на темпах роста британской экономики в период её членства в ЕС (Burk, Leuffen 2019: 1399,1402; Mazumder, Pahl 2013). Однако институциональное обособление Еврозоны в обстановке европейского долгового кризиса, который начался в 2010 г., получило неприятное для Лондона политическое продолжение. В ноябре 2011 г. президент Франции Николя Саркози заявил, как именно, по его представлениям, дифференцированная интеграция способна впредь укреплять Евросоюз: «Ясно, что у нас сложится Европа двух скоростей: скорости в связи с продвижением углублённой интеграции в Еврозоне и скорости скорее конфедеративной»⁷. В намерениях произвести, наконец, федерализацию в интеграционном объединении хотя бы ограниченным кругом государств-членов французского президента поддержала германский канцлер Ангела Меркель, ранее сомневавшаяся в целесообразности применения такого средства для форсирования углублённой интеграции. У Лондона появились основания заключить, что крупнейшие континентальные страны, отказываясь приступить к очередной межправительственной конференции для ревизии основополагающих договоров, в формате которой, как и

⁴ Эти страны, в которых всегда сохранялся достаточно высокий уровень общественного евроскептицизма, присоединились к интеграционному объединению в основном по экономическим соображениям, привлечённые мощью его регионального рынка. Похожим образом такие страны, как Чехия, Венгрия и Польша, которых с начала их членства в Евросоюзе к евро не допустили, сейчас не торопятся с переходом на наднациональную валюту.

⁵ Ввиду действия правила единогласия в ходе межправительственных конференций такая уступка давала единственную возможность получить согласие этих двух стран на ревизию основополагающих договоров. В частности, все остальные страны ЕС согласились, что Великобритания не обязана переходить на третью стадию ЭВС до тех пор, пока соответствующее решение не будет принято её национальными представительными институтами.

⁶ Межправительственный договор 2013 года о стабильности, координации и управлении (*Treaty on Stability, Coordination and Governance*).

⁷ Nicolas Sarkozy défend l'idée d'une Europe à deux vitesses [Николя Саркози отстаивает идею Европы двух скоростей]. 2011. *Reuters*. 8 November. URL: <https://www.reuters.com/article/union-francesarkozy-idFRL6E7M83K920111108> (accessed 18.06.2022).

ранее, можно было бы задействовать британское вето для блокировки нежелательных институциональных реформ, готовы практически в чрезвычайном режиме переориентировать институциональную систему Евросоюза на преимущественную защиту и обеспечение жизнедеятельности Еврозоны.

Для Лондона в приоритете на европейском направлении со времён премьерства Маргарет Тэтчер оставался ЕВР, единый внутренний рынок (Кавешников 2018: 26). Новый поворот открывал перед Великобританией перспективу потянуть прежние позиции в системе экономического управления в интеграционном объединении, которые страна занимала ранее по праву одной из крупнейших экономик Евросоюза. Достаточных ресурсов, чтобы оперативно предложить собственный (альтернативный) проект децентрализованного интеграционного развития на путях дифференциации, у британского правительства не нашлось.

В своей Блумбергской речи⁸ тогдашний британский премьер-министр Дэвид Кэмерон выступил против очередной передачи полномочий на наднациональный уровень (т.е. против дальнейшей вертикальной интеграции), практически анонсировав будущий национальный референдум о членстве страны в ЕС. В его словах внятно прозвучали опасения, что инициатива континентального ядра Еврозоны негативно отразится на государствах-членах, которые в неё не вошли: «Тем из нас, кто остаётся вне Еврозоны, тоже нужны определённые гарантии того, например, что доступ для нас на Единый рынок не будет никоим образом скомпрометирован». Хотя правительство Великобритании на тот момент вовсе не собиралось отказываться от членства в ЕС, неучастие страны в зоне евро само по себе повлекло за собой со временем важные институциональные последствия, в результате поспособствовавшие тренду на понижение её статуса одного из ведущих государств Союза.

Понятно, что целый ряд положений базового договора в том, что касалось ЭВС, изначально не касался Британии, по экономическим и политическим соображениям не пожелавшей перейти на евро. В вопросах, непосредственно затрагивающих Еврозону, голос Лондона не имел большого значения. Участвуя в европейской координации национальных курсов экономической и фискальной политики, Великобритания в принципе могла подвергаться процедуре чрезмерного дефицита (Туркина 2017), хотя европейские институты и не вправе были бы, даже пока страна оставалась в Евросоюзе, налагать на неё санкции, принуждая последовать определённым рекомендациям. К управлению ЕЦБ Лондон, естественно, тоже оказался изначально не причастен. Управляющий Банком Англии участвовал только в заседаниях Общего совета ЕЦБ – органа с ограниченными полномочиями, не имевшего касательства к решениям ЕЦБ по кредитным ставкам или по выкупу государственных облигаций.

⁸ Cameron D. EU Speech at Bloomberg. *Gov.uk* 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (accessed 18.06.2022).

Великобритания, как уже было упомянуто, не подписала Фискальный пакт, дополняющий национальные правила по национальной бюджетной политике, не приняла участия в Европейском механизме стабильности и не вошла в Банковский союз, в котором собраны механизмы по банковскому надзору и финансовому оздоровлению кредитных институтов зоны евро. Лондон не подписывал соглашение об обобщении национальных вкладов в Единый фонд рекапитализации и ликвидации банков. Вспомним попутно, что в своё время страна не присоединилась к Шенгенскому режиму и получила послабления по линии Хартии фундаментальных прав ЕС и по некоторым разделам правил, касающихся внутренних дел и юстиции. Всеми этими решениями Великобритания самоустранилась от участия в широкой практике европейского управления, завязанной отныне на спасение и обеспечение жизнедеятельности Еврозоны, что в итоге привело к относительной маргинализации её европейских позиций.

Несмотря на обилие исключений и послаблений, которых Лондону удалось добиться ранее, в период с ноября 2015 по февраль 2016 г. Д. Кэмерон вёл с ЕС переговоры об изменении порядка взаимоотношений страны с Евросоюзом, которые предполагали (по его представлениям) достижение Лондоном дополнительного уровня дифференцированной (дез)интеграции в интеграционной системе: Британия стремилась добиться для себя новых особых условий, не выходя из Союза и одновременно полагая предел развитию в нём централистских тенденций без собственного участия. По итогу этих переговоров сторонам удалось достичь определённых, не слишком вразумительных, договорённостей, впоследствии не реализованных, поскольку они решительно не удовлетворили британских евроскептиков и не могли послужить убедительным аргументом, склоняющим британский электорат к поддержке перспективы дальнейшего членства в ЕС на референдуме 2016 г.

В сфере экономического управления британское правительство во главе с Кэмероном предложило на переговорах с ЕС ввести договорные гарантии против негативных последствий политики в зоне евро для государств, не входящих в неё. Однако Брюссель отверг возможность применения британского вето против решений по банковскому союзу и Еврозоне, не устранившись уже формально объявленного будущего референдума. Таким образом, Лондон хотел «всего лишь» дистанцироваться от экономических проблем Еврозоны, спровоцированных глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг. Его целью было достичь внутри Евросоюза некоего нового состояния внутренней дифференцированной (дез)интеграции, чего не удалось добиться.

Роль Европейской комиссии

Наднациональные институты (Европейская комиссия, ЕЦБ, да и Европарламент) в качестве собственного политического приоритета нацелены на единообразную интеграцию через централизацию. Ввиду их структуры и специфики

функционирования им довольно трудно приспособляться к системной дифференциации. В частности, ЕК не заинтересована в усилении дифференциации в политической организации ЕС, поскольку дифференциация благоприятствует более активному вовлечению национальных правительств в управление, тем самым укрепляя межправительственные тенденции в Евросоюзе дополнительно (после вступления в силу Маастрихтского договора и особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. главным методом принятия политико-организационных решений в Евросоюзе стала межправительственная координация, отеснившая наднациональные институты на второй план).

Лишённая положения первой скрипки в институциональном строительстве, Комиссия до сих пор сохраняет важную роль в экономическом управлении Евросоюза в целом, добиваясь реализации общих целей и вынужденно (под влиянием общих неблагоприятных для централистского тренда обстоятельств) поддерживая планы углубления интеграции через дифференциацию, за которые выступили, прежде всего, Франция и Германия.

К примеру, в Белой книге Европейской комиссии 2017 г. «О будущем Европы»⁹ упомянуты на выбор несколько возможных сценариев дифференцированной (дез)интеграции. Особую поддержку президента Франции Эммануэля Макрона и Меркель, а также позитивные отклики тогдашнего главы ЕК Жан-Клода Юнкера получил сценарий, опиравшийся на идеи наращивания интеграции на разных скоростях (под рубрикой «те, кто хочет большего, делают больше»). «Отстающие» лишались бы возможности помешать авангарду двигаться вперёд. После самостранения Лондона этому варианту особенно настойчиво сопротивляются Вишеградские страны (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия), которые в формировании авангарда заведомо без их собственного участия не заинтересованы. Поскольку для принятия решений по институциональной реформе в Европейском совете вне экстремальных ситуаций по-прежнему требуется консенсус, испытав тот вызов, которым стал для ЕС Брексит, реформа вновь завязла в тупике.

(Де)европеизация

Великобритания вышла из Евросоюза 31 января 2020 г. За десятилетия членства из-за передачи законодательных полномочий от национальных к наднациональным институтам сложилась тесная взаимозависимость тех и других в процедурных и регуляторных вопросах. Национальный парламент (Вестминстер) уступил европейскому «центру» долю своего суверенитета в области законодательства. Процедурная, политическая и правовая европеизация Вестминстера тем самым закрепились на практике, получив признание в конституции Соединённого Королевства и в национальных судебных решениях.

⁹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU by 2025. 2017. *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed 18.06.2022).

Приступая теперь к рассуждениям о европеизации, автор ориентируется на определение данного явления как совокупности процессов формулирования, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, парадигм политики, стилей, приёмов, а также общих убеждений и норм, которые сначала определяются и закрепляются в ходе реализации публичной политики ЕС, а затем инкорпорируются в логику внутривнутриполитического дискурса отдельных стран, отражаясь на идентичностях, политических структурах и их государственной политике (Radaelli 2001: 108). Так не следует ли нам в актуальных условиях ожидать «обратного хода» вещей, имея в виду скорую деевропеизацию британского права и политики? Множащаяся сегодня специальная литература по проблеме деевропеизации старается ухватить суть поменявшейся динамики на внутривнутриполитической британской сцене, усматривая за ней стремление национального правящего класса избавиться от элементов прежней европеизации.

Главная примета понятия «деевропеизация», таким образом, состоит в том, что учёные, использующие его, считают деевропеизацию намеренной и сознательно преследующей цель повернуть процессы европеизации вспять (Copeland 2016; Бабынина 2020). Но даже настойчиво проводимый евроскептическим правительством в Лондоне курс на деевропеизацию национальной политической системы и её институтов не мог бы не занять длительное время, если произойдёт вовсе, тем более что ему будет всячески сопротивляться парламент, отстаивая интересы той части общества, которая «развода» с ЕС не желала. В такой связи важно обратить внимание на два решения Верховного суда Великобритании¹⁰. Суд подтвердил, что парламент несёт конституционную ответственность за надзор над исполнительной властью в стране, которую правительство не вправе подавлять (Strezhneva, Moiseeva 2021: 362-364).

К тому же в принципе организационный результат Брексита не обрубаёт связи Великобритании и ЕС полностью¹¹, и попятную европеизацию в какой-то форме нельзя полностью исключать. Высокая степень экономической взаимозависимости между ними, а также масштаб и влияние интегрированных рынков Евросоюза продолжают оказывать существенное давление (демонстрируют силу нормативного притяжения) в пользу того, чтобы Лондон, в том числе забо-

¹⁰ В январе 2017 г. в Верховном суде Соединённого Королевства были успешно оспорены полномочия Терезы Мэй как премьер-министра, в деле уведомления Брюсселя о намерении Лондона вывести страну из ЕС на основании статьи 50 Договора о Европейском союзе без соответствующего парламентского акта. См.: UK Supreme Court ([2017] UKSC 5) (24 Jan.). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf> (accessed 18.06.2022). Затем в сентябре 2019 г. Суд однозначно выступил против попытки премьер-министра Бориса Джонсона урезать роль Палаты Общин в определении условий «развода» с Евросоюзом. См.: UK Supreme Court ([2019] UKSC 41) (24 Sept.). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2019-0192-judgment.pdf> (accessed 18.06.2022).

¹¹ Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией было подписано 30 декабря 2020 г. Оно выходит за рамки традиционного торгового соглашения, обеспечивая преференциальную взаимную торговлю в широком круге областей и содержит положения, заточенные на обеспечение «единого игрового поля» в экономическом сотрудничестве.

таясь о поддержании собственных глобальных экономических позиций на перспективу, сохраняя долговременную ориентацию на европейские регуляторные стандарты.

Северная Ирландия

В 1985 г. Европейские сообщества покинула Гренландия, входящая в состав Датского королевства. За такой исход проголосовали на референдуме, проведённом на острове тремя годами ранее, 53% его жителей, озабоченных главным образом защитой прав рыболовства. Если Гренландия, территория в рамках одного из государств-членов, вышла из объединения, присоединившись к числу специальных территорий стран в ЕС, то в случае Брексита развернулся противоположный сценарий: государство вышло из Союза, тогда как его провинция продолжает подчиняться европейскому праву в согласии с Североирландским протоколом, который в качестве приложения входит в соглашение о «разводе» (Вилкова 2018). С 2009 г. Гренландия, оставаясь частью Дании, имеет режим самоуправления. Британский политический класс вряд ли стремится к тому, чтобы нечто подобное произошло в Северной Ирландии, но надеяться на обратное в целом позволяют её тесные связи с остальными частями Соединённого Королевства.

Противники Протокола в рядах британской консервативной партии, а также юнионисты Северной Ирландии считают, что условия Протокола порождают опасные риски, вплоть до подрыва политической и конституционной целостности Соединённого Королевства. Демократическая юнионистская партия (ДЮП) отказалась войти в кабинет министров Северной Ирландии, обновляемый по результатам выборов 5 мая 2022 г. в Стормонт (Североирландскую ассамблею), если Протокол не будет отменён или, по крайней мере, пересмотрен. Партия ирландских националистов «Шинн фейн» (набравшая наибольшее количество голосов на этих выборах), а также североирландские социал-демократы, лейбористы и Партия «Альянс» Северной Ирландии Протокол, напротив, поддерживают.

Граница между Республикой Ирландия (РИ) и Северной Ирландией протяжённостью 499 километров – единственная сухопутная граница, разделяющая Европейский союз и Соединённое Королевство. Введение на ней ввиду Брексита жёсткого контроля имело бы тяжёлые последствия для мирного процесса в Северной Ирландии, угрожая устойчивости Соглашения Страстной пятницы 1998 г., которое обеспечивает политическое урегулирование многолетнего ожесточённого вооружённого конфликта. Данное соглашение было подписано в условиях членства в Европейских сообществах как РИ, так и Великобритании, что гарантировало растущую степень открытости и сотрудничества сторон. Если бы Северная Ирландия, покинув Евросоюз в составе Соединённого Королевства, вышла из ЕВР, ирландские националисты утвердились бы в той точке зре-

ния, что достижение единства Ирландии остаётся единственным средством для восстановления разорванной Брекситом связи региона с Европой, содействия росту ирландской экономики и консолидации мирного процесса.

Договорённости Лондона и Брюсселя предотвратили необходимость оформления подобной жёсткой границы. По Североирландскому протоколу Северная Ирландия должна следовать таможенным правилам ЕС и правилам ЕВР, в том числе касающимся производственных стандартов, мер обеспечения продовольственной безопасности и допустимых государственных субсидий. Между тем по варианту соглашения, о котором ранее договорилась с Брюсселем бывший премьер Тереза Мэй, предусматривалось иное, а именно «ограничитель заднего хода» (*backstop*), по которому вся Великобритания, лишившись прав членства, оставалась бы на неопределённое время в таможенном союзе с ЕС. Сменивший Мэй Борис Джонсон расценил такой вариант, который трижды заблокировала Палата общин, как не обеспечивающий цели выхода страны из ЕС в соответствии с результатами народного волеизъявления. Поскольку Соединённое Королевство за вычетом Северной Ирландии вольно устанавливать собственные таможенные и регуляторные правила, создаётся необходимость проверки и контроля товаров, пересекающих возникшую тектологическую «границу» между Великобританией и Северной Ирландией, породившую материальную торговую преграду в Ирландском море. Устойчивость такой конструкции по условиям Протокола поставлена в зависимость от готовности Стормонта её подержать.

Таким образом, Северная Ирландия, оставаясь частью таможенной территории Соединённого Королевства, одновременно находится под властью европейских правил регулирования. Если у товара из Британии при пересечении им «границы» в Ирландском море отсутствуют документы, подтверждающие, что он предназначен для Северной Ирландии, то он подлежит таможенному обложению. Северная Ирландия поставлена, следовательно, в положение ингрессивной связки между Британией, вышедшей из ЕС, и самим Евросоюзом.

Стормонт должен будет, начиная с декабря 2024 г., периодически подтверждать своё согласие на продление существования в таком виде торговой границы в Ирландском море. Детали процесса принятия Стормонтом соответствующего решения были установлены британским правительством¹². По результатам уже упомянутых выборов в Стормонт в мае 2022 г. большинство среди 90 его депутатов составляют сторонники Протокола (54 против 36).

Налицо весьма оригинальный в организационном отношении компромисс между возникшей вследствие решения Британии выйти из ЕВР и таможенного

¹² Declaration by Her Majesty's Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland concerning the operation of the 'Democratic consent in Northern Ireland' provision of the Protocol on Ireland/Northern Ireland. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840232/Unilateral_Declaration_on_Consent.pdf (accessed 18.06.2022).

союза ЕС необходимостью пограничных проверок потоков из третьей страны и соблюдением Соглашения Страстной пятницы 1998 г. Данное решение, как и все прочие гипотетически возможные исходы Брексита, с точки зрения интересов Северной Ирландии остаётся субоптимальным. Его сторонники подчёркивают, что это не только хорошая альтернатива возведению жёсткой границы на острове Ирландия, но и шанс для североирландских фирм, из-за двойного статуса Северной Ирландии, одновременно получить доступ и к европейскому, и к британскому рынкам, привлекая инвестиции в регион, давно испытывающий их нехватку. Между тем в протестантской общине могут усматривать в «границе» в Ирландском море не только препону к сохранению территориальной целостности Соединённого Королевства, но даже угрозу собственной идентичности.

Впрочем, Североирландский протокол смотрится необычно и с точки зрения Европейского союза. Его внешняя торговая граница здесь оказалась размещена внутри территории страны, которая более не является государством-членом ЕС, – ведь таможенные и фитосанитарные проверки в Ирландском море служат средством проконтролировать поступление товаров на европейский внутренний рынок, а самому Лондону, по большому счёту, они не нужны. У ЕС нет убедительных полномочий, чтобы обеспечить соблюдение своих правил и проведение проверок в собственных интересах на британской территории. За их имплементацию всецело отвечает британская сторона. При этом, вопреки боевитой риторике и даже радикальным действиям премьера Бориса Джонсона и министра иностранных дел Великобритании Элизабет Трасс¹³, Великобритания вряд ли реально пойдёт на разрыв Североирландского протокола, от которого в сильной степени зависят будущие отношения Лондона с Брюсселем в целом. Поскольку Великобритания оказалась бы в положении нарушителя международного права, против чего настроены группа умеренных консерваторов в Палате общин и Палата лордов, маловероятно, чтобы анонсированный Трасс билль по Североирландскому протоколу обрёл в итоге законную силу. В любом случае его рассмотрение в Парламенте может занять до полутора лет, в течение которых внутривластная ситуация будет неоднократно меняться. Для быстро теряющего популярность, в том числе в рядах собственных однопартийцев, консервативного правительства, это, скорее, блеф, попытка одновременно угодить консерваторам-евроскептикам и ДЮП и добиться от Брюсселя уступок по имплементации Протокола, которые можно было бы представить внутри страны как дипломатическую победу. Вместе с тем неоднократные угрозы Лон-

¹³ 13 июня 2022 г. Трасс представила законопроект (The Northern Ireland Protocol Bill, URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3182> (accessed 18.06.2022)), рискуя спровоцировать тем самым торговую войну Великобритании с Европейским союзом. Этот билль односторонним порядком вносит изменения в Североирландский протокол, который является частью международного договора между Великобританией и Евросоюзом, при чётко выраженном несогласии на это ЕС.

дона пойти на действия, разрывающие подписанные договорённости о «разводе», демонстрируют сохраняющуюся неустойчивость отношений Великобритании и Евросоюза, «скованных» Североирландским протоколом.

По Протоколу Брюссель обязан информировать Лондон о планируемых Союзом правовых актах в пределах действия Протокола. Но там, где подобные акты вносят изменения в регламенты и директивы ЕС, перечисленные в Протоколе, они подлежат автоматическому обновлению и применению на территории Северной Ирландии, причём Лондон не может заблокировать процесс принятия решений, но несёт ответственность за их исполнение. Со своей стороны, Брюссель обязан информировать Лондон о новых европейских актах заблаговременно, до того, как они будут приняты, и в Совместном комитете ЕС – Великобритания между сторонами должен проходить осмысленный, а не сугубо «протокольный», как то нередко бывает, обмен мнениями по поводу их последствий для функционирования Протокола.

Североирландским протоколом порождена уникальная (в подлинном смысле слова эмерджентная) ситуация, не сводимая к свойствам или возможностям британской или европейской систем управления по отдельности. Так, у Евросоюза есть сильно раздражающее британцев юридическое право потребовать, чтобы Североирландский протокол должным образом соблюдался, но нет права самому обеспечить все необходимые проверки на месте. Со своей стороны, Лондон вправе принимать любые национальные нормы регулирования, не оглядываясь на недовольство Брюсселя, но расхождение национальных норм с европейскими не выгодно самому Лондону, поскольку оно подрывало бы единство внутреннего рынка страны, коль скоро в Северной Ирландии продолжают действовать европейские нормы. Чтобы удерживать Северную Ирландию в составе Соединённого Королевства, этого не стоит допускать.

В конечном счёте, характер и масштаб проверок и контроля на «границе» в Ирландском море будет находиться в сильной зависимости от того, насколько Лондон решит отклониться от Брюсселя в том, что касается правил регулирования. Если содержание Протокола отразило способность сторон к проявлению гибкости и воображения, но те же качества постоянно требуются теперь от обеих сторон и для его успешного выполнения, чего в настоящее время решительно не наблюдается.

* * *

В статье был проведён анализ, позволяющий дать взвешенную оценку перспективам институциональной дифференциации на пространстве европейской интеграции ввиду выхода Британии из ЕС. На основании тектологии Александра Богданова была уточнена концептуализация институциональных аспектов региональной (дез)интеграции и дифференциации. Было установлено, что системный подход, представленный в его теории организации, при анализе (дез)интеграционных процессов требует, прежде всего, определить, о (дез)интегра-

ции какого системного комплекса мы ведём речь в каждом отдельном случае. В зависимости от ответа на этот необходимый предварительный вопрос в связи с Брекситом мы можем сегодня наблюдать: (1) дифференцированную интеграцию в системных комплексах, которые объединяют Евросоюз и третьи страны, имеющие с ним договорные отношения, определяющие для них конкретные условия привилегированного доступа на европейский Единый внутренний рынок; (2) частичную (внутреннюю) дезинтеграцию Соединённого Королевства в Ирландском море, обеспечивающую особые условия доступа на ЕВР для Северной Ирландии; (3) ингрессивную связку Великобритании с Евросоюзом, работающую на укрепление их относительно слабой формы интеграции в условиях взаимного недоверия, усугубляющегося после Брексита; (3) дифференцированную дезинтеграцию Евросоюза как отдельного системного комплекса, который покинуло одно из его государств-членов.

Брексит явил собою уникальный на сегодняшний день случай горизонтальной дезинтеграции Евросоюза. При этом по отношению к Лондону в ходе состоявшихся торговых переговоров и по их завершении Брюссель занял очень жёсткую политическую позицию, настойчиво сигнализируя тем самым, что преимущества дифференцированной интеграции с Евросоюзом должны доставаться только тем странам, которые готовы подчиняться его ключевым правилам, а за отклонения от них придётся дорого платить.

Если говорить о будущем европейской интеграции, то, как уже хорошо известно, давно отрабатываются различные организационные формы и варианты дифференцированной интеграции (от возможности для отдельных государств-членов не участвовать в определённых направлениях политики ЕС до ассоциации с некоторыми направлениями его политики отдельных государств, членами ЕС не являющихся). В силу этого и возврат к воплощению идеи Европы наций, и продвижение к оформлению на базе ЕС в полном составе федерации, ключевыми полномочиями в которой обладали бы институты европейского уровня, в обозримой перспективе выглядят в равной мере маловероятными. Вопрос для Брюсселя скорее в том, чтобы впредь избегать таких вариантов (субъективной) дифференциации в ЭВС, которые, как в британском случае, станут провоцировать появление патологических дезинтеграций с непредсказуемыми последствиями.

Следует признать, что в принципе дифференцированная интеграция бросает серьёзный вызов идее всё более тесного союза, по-прежнему прописанной в договорной основе европейской интеграции. Эта идея требует существенной меры институциональной изобретательности и нетрадиционных подходов для своего воплощения и провоцирует попутно сомнения по поводу пределов легитимности европейских наднациональных институтов.

Об авторе:

Марина Вадимовна Стрежнева – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья публикуется в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

UDC: 327.7
Received: April 11, 2022
Accepted: 06/06/2022

Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit

M.V. Strezhneva
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60)

ИМЭМО РАН

Abstract: Exit of Britain from the European Union resuscitated academic discussions on the topic of the certainty value for the unfolding of disintegrative trends in the united Europe. Nevertheless, no general perception has emerged yet of how Brexit is likely to influence the organizational prospects and viability of the European integration grouping. In most cases the conceptualizations do not escape the presentation of dichotomy between integration and disintegration as two ultimo states in international relations. In fact, these are two processes, more complexly co-related. Each of them can include a wide array of structural arrangements, some differentiation dynamism, different levels of centralization in separate domains, as well as certain (variable) numbers of participants in distinct arrangements. In this article the meaning of Brexit as a condition of further European (dis)integration is treated, as based on Alexander Bogdanov's theory of organization. This theory serves to reconsider the established renderings of such key notions, as integration, disintegration and differentiation.

The new sight is gained of immune after-effects of prior Europeanization for the political system of the UK. Cases of the Economic and Monetary Union and the Northern Ireland Protocol receive separate treatment. The latter one presents a path-breaking design for differentiated integration with subnational region participation. Yet to realize the potential of the Protocol in full, political will is needed from both London and Brussels.

On the most basic level, once this large country left the EU, one could hardly imagine any of its remaining 27 members to head off further progressive development of European integration. At the same time, it has to be acknowledged that, in order to make headway in terms of integration, the EU system, rather than unification and centralization, is in need of intensified differentiation. Meanwhile, the supranational institutions, and the European Commission most notably, remain oriented towards uniform integration as their priority. This can result in lower efficacy of the EU integration policy.

Keywords: Brexit, European Union, integration, differentiation, differentiated integration, disingression, Northern Ireland, Europeanization

About the author:

Marina V. Strezhneva – Dr. of Science (Political Science), Professor, Principal Researcher in International Relations. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This work was supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No 075-15-2020-783), project title «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation».

References:

- Bickerton C. 2019. The Limits of Differentiation: Capitalist Diversity and Labour Mobility as Drivers of Brexit. *Comparative European Politics*. 17(2). P. 231-245. DOI: 10.1057/s41295-019-00160-x
- Brunazzo M. 2022. The Politics of EU Differentiated Integration: Between Crises and Dilemmas. *The International Spectator*. 57(1). P. 18-34. DOI: 10.1080/03932729.2022.2014103
- Burk M., Leuffen D. 2019. On the Methodology of Studying Differentiated (Dis)integration: Or How the Potential Outcome Framework Can Contribute to Evaluating the Costs and Benefits of Opting In or Out. *Journal of Common Market Studies*. 57(6). P. 1395-1406. DOI: 10.1111/jcms.12958
- Copeland P. 2016. Europeanization and de-Europeanization in UK Employment Policy: Changing Governments and Shifting Agendas. *Public Administration*. 94(4). P. 1124-1139. DOI: 10.1111/padm.2016.94.issue-4
- Gänzle S., Leruth B., Trondal J., eds. 2021. *Differentiated Integration and Disintegration in a Post-Brexit Era*. London and New York: Routledge. 276 p.
- Gstöhl S., Phinnemore D., eds. 2019. *The Proliferation of Privileged Partnerships between the European Union and its Neighbours*. London: Routledge. 224 p.
- Jones E. 2018. Towards a Theory of Disintegration. *Journal of European Public Policy*. 25(3). P. 440-451. DOI: 10.1080/13501763.2017.1411381
- Mazumder S., Pahl R.M. 2013. What if the UK Had Joined the Euro in 1999? *Open Economies Review*. 24(3). P. 447-470. DOI: 10.1007/s11079-012-9245-5
- Radaelli C. 2001. The Domestic Impact of European Public Policy: Notes on Concepts, Methods and the Challenge of Empirical Research. *Politique Européenne*. №5. P. 107-142.
- Rosamond B. 2019. Theorising the EU in Crisis: de-Europeanisation as Disintegration. *Global Discourse: An interdisciplinary journal of current affairs*. 9(1). P. 31-44. DOI: 10.1332/204378918X1545393450591
- Schimmelfennig F., Leuffen D., Rittberger B. 2015. The European Union as a system of differentiated integration: interdependence, politicization and differentiation. *Journal of European Public Policy*. 22(6). P. 764-782. DOI: 10.1080/13501763.2015.1020835. URL: <https://samuelbhfauredotcom.files.wordpress.com/2019/09/schimmelfennig-and-alii-2015.pdf> (accessed 18.06.2022)

Schimmelfennig F., Winzen T. 2020. *Ever Looser Union? Differentiated European Integration*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.

Schmitter P., Lefkofridi Z. 2016. Neo-Functionalism as a Theory of Disintegration. *Chinese Political Science Review*. 1(1). P. 1-29. DOI: 10.1007/S41111-016-0012-4

Schwarzer D. 2013. The Euro Area Crises, Shifting Power Relations and Institutional Change in the European Union. *Global Policy*. Vol. 3. Supplement 1. P. 28-41. DOI: 10.1111/1758-5899.12013. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1758-5899.12013> (accessed 18.06.2022).

Strezhneva M., Moiseeva D. 2021. Parliamentarisation of Brexit: Legitimation Games in the Process of Regional Disintegration. *Parliaments, Estates and Representation*. 41(3). P. 353-370. DOI: 10.1080/02606755.2021.1955569

Svendsen Ø., Adler-Nissen R. 2019. Differentiated (Dis)integration in Practice: The Diplomacy of Brexit and the Low Politics of High Politics. *Journal of Common Market Studies*. 57(6). P. 1419-1430. DOI: 10.1111/jcms.12960

Vollaard H. 2018 *European Disintegration – A Search for Explanations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 278 p.

Waltz K. *Theory of International Politics*. 1979. Reading (MA), Addison-Wesley Publishing Company. 249 p.

Wachowiak J., Zleeg F. 2022. Brexit and the Trade and Cooperation Agreement: Implications for Internal and External EU Differentiation. *The International Spectator*. 57(1). P. 142-159. DOI: 10.1080/03932729.2022.2030604

Webber D. 2019. *European Disintegration? The Politics of Crisis in the European Union* London: Red Globe Press. 278 p.

Babynina L.O. 2012. *Gibkaya integraciya v Evropejskom Soyuze: teoriya i praktika primeneniya* [Flexible Integration in the European Union: Theory and Implementation Practice]. Moscow: URSS. 302 p. (In Russian)

Babynina L.O. 2020. Deevropeizaciya ili demontazh: kak budut stroit'sya otnosheniya ES i Velikobritanii [De-Europeanization or Dismantling: Prospects of the EU-UK Relations]. *Sovremennaya Evropa*. №3. P. 5-15. DOI: 10.15211/soveurope320200515 (In Russian)

Bogdanov A.A. 2019. *Tektologiya: Vseobshchaya organizacionnaya nauka* [Tektology: The General Science of Organization]. Moscow: LENAND. 680 p. (In Russian)

Butorina O.V. 2020. Suzhenie Evropejskogo soyuza i potencial integracii [Contraction of the European Union and Integration Potential]. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. 90(11). P. 1058-1066. DOI: 10.31857/S0869587320110043 (In Russian)

Ivanova I.K. 2019. Constitutional Rationales for the United Kingdom's Exit from the European Union. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 14(3). P. 167-186. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-ivanova (In Russian)

Ignatova V.A. 2012. Integraciya i differenciaciya kak universal'nye kategorii nauki i ih otrazhenie v teorii i praktike estestvenno-nauchnogo obrazovaniya [Integration and Differentiation as Universal Scientific Categories and Their Reflection in Theory and Practice of Education in Natural Sciences]. *Obrazovanie i nauka*. 2(101). P. 3-17 (In Russian).

Kaveshnikov N.Yu. 2018. Velikobritaniya i Evropejskij soyuz: dolgaya istoriya razvoda. Stat'ya 2. Slozhnyj partnyor [United Kingdom and European Union: A Long History of Divorce Part 2. Awkward partner]. *Sovremennaya Evropa*. №6. P. 18-29. DOI: 10.15211/soveurope620181829 (In Russian)

Luhman N. 2006. *Differenciaciya* [Differentiation]. Moscow: "Logos". 320 p. (In Russian).

Nikonova A. 2019. On the Ingression Principle in the System World of A.A. Bogdanov, or no Prophet in his Own Country. *HronoEconomics*. 7(20). P. 32-40 (In Russian). URL: http://hronoeconomics.ru/07_2019.pdf (accessed 18.06.2022).

Turkina A.V. 2017. Novye stadii procedury chrezmernogo deficita byudzheta gosudarstv – chlenov Evropejskogo soyuza i ocenka ih effektivnosti [New Steps in the Excessive Deficit Procedure for the Member-States Budgets and Estimation of Their Efficiency]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki. № 4. P. 11-17 (In Russian).

Vilkova M.Yu. 2018. Pravo secessii v evropejskoj integracii: opyt Grenlandii i Velikobritanii [Right of Secession in European Integration]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina*. №5. P. 78-83. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.078-083 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бабынина Л.О. 2012. *Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения*. Москва: URSS. 302 с.

Бабынина Л.О. 2020. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании. *Современная Европа*. №3. С. 5-15. DOI: 10.15211/soveurore320200515

Богданов А.А. 2019. *Тектология: Всеобщая организационная наука*. Москва: ЛЕНАНД. 680 с.

Буторина О.В. 2020. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции. *Вестник Российской академии наук*. 90(11). С. 1058-1066. DOI: 10.31857/S0869587320110043

Вилкова М.Ю. 2018. Право сецессии в европейской интеграции: опыт Гренландии и Великобритании. *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина*. №5. С. 78-83. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.078-083

Иванова И.К. 2019 Конституционные основания выхода Соединённого Королевства из Европейского союза. *Труды Института государства и права РАН*. 14(3). С. 167-186. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-ivanova

Игнатова В.А. 2012. Интеграция и дифференциация как универсальные категории науки и их отражение в теории и практике естественно-научного образования. *Образование и наука*. 2(101). С. 3-17.

Кавешников Н.Ю. 2018. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнёр. *Современная Европа*. №6. С. 18-29. DOI: 10.15211/soveurore620181829

Луман Н. 2006. *Дифференциация*. Москва: Логос. 320 с.

Никонова А. 2019. О принципе ингрессии в системном мире А.А. Богданова, или нет пророка в своём отечестве. *Хроноэкономика*. 7(20). С. 32-40.

Туркина А.В. 2017. Новые стадии процедуры чрезмерного дефицита бюджета государств – членов Европейского союза и оценка их эффективности. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: Гуманитарные и общественные науки. №4. С. 11-17.